

Л. Н. Мазур

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОЙ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СЕТИ НА УРАЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.¹

Одним из показателей освоенности той или иной территории выступает система расселения, которая складывается в процессе заселения осваиваемых земель, аграрного и промышленного развития региона. Численность населения, его распределение по территории, формирование поселенческой сети — все это важнейшие характеристики, опираясь на которые, мы анализируем сложные, неоднозначные процессы, связанные с целенаправленной деятельностью человека по освоению территории.

Первоначальное освоение среднеуральских земель осуществлялось их коренным населением, из которого сформировались финноугорские (марийцы, манси, удмурты, коми-пермяки) и тюркские народы (башкиры, татары). Именно они формируют здесь первичную поселенческую сеть. Однако вплоть до XV в. степень освоения территории Урала была незначительной. Оставалось немало пустующих земель.

В истории заселения территории Урала русскими можно выделить следующие этапы:

Первый этап (с XVI до начала XVIII в.) можно обозначить как сельскохозяйственное освоение территорий сначала Прикамья, а затем Зауралья. Основной формой заселения здесь выступает стихийная колонизация отчасти беглых крестьян, охочих людей, но основную массу составляли черносошные крестьяне. В это время оформляется и два основных потока переселения: 1) из северных поморских районов страны переселенцы осваивают в основном Средний Урал; 2) из центральных и поволжских районов начиная со второй половины XVI в. идет поток переселенцев на вятские земли, южные районы Урала.

В XVI в. на территории Среднего Урала формируются Чердынский и Соликамский уезды, а также вотчины Строгановых, а с середины XVII в. образованы Верхотурский и Кунгурский уезды.

В Чердынском уезде к 1710 г. насчитывается 23 погоста, 6 сел, 181 деревня, 44 починка². В XVII в. численность населения здесь начинает сокращаться в силу того, что часть населения уходила на более плодородные земли в южные Прикамские уезды.

На территории Соликамского уезда в 1579 г. насчитывались 23 деревни и 11 починков, 3 займища с населением 205 человек мужского пола. К 1710 г. отмечалось 5 погостов, 7 слобод, 147 деревень, 80 починков с населением более 7 тыс. человек обоего пола³. Отсюда в XVIII в. наблюдается отток населения в южные уезды.

В вотчине Строгановых в 1579 г. имелось 4 слободы и 39 крестьянских поселений, в т.ч. Орел-городок, Яйва, Нижне-Чусовская. К 1711 г. в имении насчитывалось 3 городка, 4 острожка, 16 погостов, 25 сел, 4 сельца, 267 деревень, 210 починков⁴.

Территория Кунгурского уезда охватывала среднее и верхнее течение реки Сылвы. В 1624 г. здесь насчитывалось 67 юрт татар и остяков, 4 юрты марийцев, 1 юрта мордвы. Освоение и заселение Кунгурского уезда начиналось с создания очагов вотчинно-монастырского землевладения, а также формирования поселений беглыми крестьянами. При этом существовала постоянная угроза нападения башкир, что вызвало необходимость возводить в первую очередь остроги. По данным 1719 г. численность русского населения достигла более 20 тыс. человек, они проживали в 9 селах, 121 деревне, 5 острожках, 1 пустыни⁵. В Кунгурском уезде наблюдается наиболее пестрый национальный состав: татары, марийцы, удмурты, чуваша. По переписи 1719 г. татары численностью 1470 чел. мужского пола проживали в 52 деревнях и имели 455 юрт, марийцы — в 11 деревнях (208 юрт). Кунгур становится сельскохозяйственным центром Урала.

В Верхотурском уезде до прихода русских проживали манси, татары. В 1624 г. русское население обосновалось в 3 волостях — Подгорной, Тагильской и Невьянской. Всего в 1624 г. в Верхотурском уезде были 2 слободы, 149 деревень, 3 заимки с 490 жителями мужского пола. В 1640-е гг. здесь формируется 19 слобод: Рудная, Киргинская, Ницинская, Краснослободский острог, Краснопольская, Мурзинская, Арамашевская, Тагильская, Ирбитская и др. К 1710 г. в Верхотурье и уезде проживало 33 тыс. человек. На его территории находились 2 завода (Алапаевский и Невьянский), 11 погостов, 14 слобод, 54 заимки, 1 село, 262 деревни⁶. В Верхотурском уезде большинство поселений возникло при активной поддержке местной администрации. С самого начала заселения и освоения территорий администрация добивалась, чтобы крестьяне получали землю по официальному отводу, на эти земли им выдавались особые документы. Наряду с правом получения официального надела крестьяне и служилые люди пользовались правом свободного захвата земель. Поэтому большинство поселений Верхотурского уезда возникло в удобных для сельскохозяйственных и промысловых занятий местах, а также по направлению миграционных путей и в важных стратегических районах.

Все население Среднего Урала в 1720-е гг. составило 101 878 чел., из них 75% были русские. Наиболее населенными были Верхотурский и Кунгурский уезды. В целом в этот период сложилась карта этнического расселения, которая сохранилась в последующие годы с небольшими изменениями.

Второй этап (с начала XVIII до середины XIX в.) характеризуется тем, что наряду с сельскохозяйственным начинается промышленное освоение региона. Формируется система заводских, приисковых поселений, придавших особый колорит горнозаводскому Уралу. Одновременно продолжает расширяться сеть сельскохозяйственных поселений. Основным фактором развития расселения становятся в этот период внутренние демографические ресурсы региона.

Наибольшее число заводов было построено в Верхотурском, Кунгурском, Пермском уездах. Рост городов и заводских поселков способствовал созданию каркаса системы расселения, т.е. тех административных, торговых и промышленных центров, вокруг которых начинается активное освоение земель. Появляется на Среднем Урале и новое явление — приписная деревня, крестьяне которой обязаны были принимать участие в строительстве заводов.

Итоги освоения Среднего Урала к концу XVIII в. можно проследить по материалам пятой ревизии (1795). На территории Пермской губернии в этот период проживало 881 902 чел. Доля русских составила 87%. В Ирбитском, Камышловском, Шадринском уездах отмечалась значительно более высокая плотность населения, чем в северных.

К середине XIX в. общая численность сельских поселений возросла по сравнению с 1795 г в 1,5 раза и составила 9229⁷. Продолжалось интенсивное заселение речных долин: в частности, по берегам рек и озер располагалось 83% населенных пунктов. Притрактовые поселения на Среднем Урале появились рано, т.к. здесь проходили пути через Уральский хребет. Наиболее полно они зафиксированы в переписных материалах 1869 г. Тогда насчитывалось 263 (или 2%) притрактовых селений. Больше всего располагалось сел и деревень по Сибирскому (115) и Чердынскому (45) трактам⁸.

Среди наиболее часто встречающихся типов сельских поселений отмечены деревни, села; в более ранний период встречаются погосты, игравшие роль административных центров; самым многочисленным типом был починок, представлявший собой малодворное новое селение. Определение статуса населенного пункта зависело от выполняемых им функций и размеров.

Деревня — это населенный пункт, включавший от 3 до 20 и более дворов с оформленным земельным фондом. Её можно охарактеризовать как устойчивое поселение, выполнявшее земледельческие и ремесленные

функции. Деревня занимает достаточно большую территорию, облагаемую налогом. Особую роль этот тип поселений приобретает в XIX в., когда расширяются его экономические и культурные функции. Многие крупные деревни превращаются в села и становятся центрами вновь образованных волостей. В 1869 г. насчитывается 7315 деревень, что составило 79%.

Починок — это малодворное поселение. Среди них преобладали однокорки. У починка, ввиду недавности его появления, земельный фонд оставался небольшим и находился в стадии оформления. Починок как поселение выполняет только сельскохозяйственные или ремесленные функции и имеет льготы — жителей на время частично освобождали от налогов. Починки часто являлись результатом почкования деревни, выделения одной или нескольких семей, которые уходили на новое место и образовывали новое поселение.

Самым мелким населенным пунктом было *займище*. Появление займищ связано с освоением новых земель. Чаще всего один человек занимал пригодный участок земли, но постоянно там не жил, а заводил лишь временные постройки.

Погост считался низшей административной единицей. Погост как тип поселения выполнял административные (центр округа) и религиозные функции. В нем находились приход, храм, кладбище, изба для решения мирских дел. Вместе с тем под погостом следует понимать совокупность сельских поселений — деревень, починков, тяготевших к погосту. Более всего распространение этот тип получил в Чердынском уезде. Погосты как самостоятельный тип поселений на Среднем Урале последний раз отмечались в ревизии 1762 г.

Слобода первоначально сформировалась во владениях Строгановых. Она выполняла административные функции, выступая как центр округа. В поселениях этого типа находились храм, острог, развивались ремесла, торговля. Слобода выполняла также функции военного опорного центра. В Верхотурье к началу XVIII в. насчитывалось 12 слобод. К XIX в. большинство слобод были переведены в статус сел. К 1869 г. сохранилось всего 10, из них только три — Арамашевская, Аятская, Маминская — выступали центрами волостей.

Село считается более древним поселением, чем деревня. В Древней Руси возникновение сел относят ко времени формирования поместного землевладения. Селом назывался центр вотчины. На Среднем Урале села возникают позднее, чем деревни и починки, на рубеже XVII–XVIII вв. они формируются как крестьянские поселения и постепенно начинают вытеснять погосты и слободы.

В 1869 г. насчитывается 7315 деревень, что составило 79%, сел — 493, или 5,3%. В первой половине XIX в. во всех уездах появляется но-

вый тип поселений — *выселки*. В 1869 г. их было 186, или 2 %. Они возникли в связи с новым режимом землепользования. В местах, где вводились переделы земли и ограничивалось захватное право, основать новое поселение можно было только путем аренды или покупки земли у казны. На земле, отведенной уже не миром, а уездной администрацией, селились чаще всего состоятельные крестьяне из старых поселений. В отличие от починков, их возникновение строго регламентировалось.

В XVII в. в связи с расширением старообрядчества на Среднем Урале появились такие специфические типы поселений, как *скиты*. В них проживало в среднем до 30 человек. Население подчинялось скитскому уставу, занималось земледелием, ремеслом, детей в скитах обучали. Особенно быстро развивались те скиты, которым покровительствовали торгово-промышленные круги (Таватуй, Шарташ).

Третий этап развития системы расселения на Урале (с середины XIX до начала XX в.) связан с реализацией целого ряда мероприятий, повлиявших на развитие поселенческой сети: реформы Кисилева, реформы 1861 г., строительство железных дорог, деятельность земств. Впервые в этот период вводится достаточно систематизированный учет поселенческой сети — создаются и публикуются списки населенных мест по губерниям, которые начиная с 1875 г., позволяют составить общую картину состояния поселенческой сети. На этом этапе важно отметить возрастающую роль государства в развитии и расширении поселенческой сети.

Железнодорожное строительство развернулось в Пермской губернии начиная с конца 1870-х гг. Сначала была построена Уральская горная дорога (Пермь — Екатеринбург, 467 верст), затем линия от Чусовой до Березников, далее Екатеринбург — Тюмень (304 версты) и др. Таким образом, к началу XX в. на Среднем Урале сформировалась достаточно разветвленная сеть железных дорог, которая послужила толчком к формированию нового типа населенного пункта — железнодорожных поселков: это будки, казармы, разъезды и станции. Будучи составным элементом железнодорожной системы, они выполняли важные обслуживающие функции; как правило, в них проживало от 2 до 30 человек. Вплоть до 1960-х гг. железнодорожные поселки занимают достаточно высокий удельный вес в структуре сельской поселенческой сети.

Всего в 1893 г. по данным земской статистики в Пермской губернии насчитывается 12 759 селений⁹. По сводным данным 1908 г. всего в 12 уездах Пермской губернии зарегистрировано 14 137 сельских населенных мест с населением 3 109 178 человек, в том числе 118 заводов, 684 села, 10 581 деревня, 2 754 выселков и поселков. В состав губернии входили также 15 городов: губернский, 11 уездных, 3 заштатных (Алапавск, Дедюхин, Далматов)¹⁰.

Четвертый этап (первая половина XX в.) занимает особое место. Развитие системы расселения приобретает ярко выраженный детерминированный характер, государство и его политика начинают выступать как определяющий фактор развития поселенческой сети. Основные тенденции поведения системы расселения соответствуют расширяющейся модели. На протяжении всего указанного периода мы можем наблюдать устойчивый рост численности сельскохозяйственных и несельскохозяйственных сельских населенных пунктов. Особую роль в этом сыграли такие мероприятия, как массированная индустриализация, раскулачивание и создание системы спецпоселков, они придали специфические черты поселенческой сети Уральского региона, который, с одной стороны, стал всесоюзной стройплощадкой, инициирующей рост городов и поселков городского типа, а с другой — краем ссыльных и заключенных.

Освоение территории и формирование поселенческой сети подчинено определенным закономерностям. В соответствии с концепцией, выдвинутой Ж.А. Зайончковской¹¹, развитие системы расселения проходит три стадии: аграрную, индустриальную (урбанистическую) и интегрированную. Они исторически обусловлены, следуют одна за другой и определяются особенностями взаимодействия городской и сельской поселенческих сетей и закономерностями демографического развития. Аграрная стадия развития системы расселения выступает как первичная, она характерна для аграрного общества с соответствующим традиционным типом воспроизводства населения и отличается самостоятельным функционированием городской и сельской поселенческих сетей. Они характеризуются известной автономностью и развиваются параллельно. Такая ситуация остается возможной до тех пор, пока не истощатся демографические ресурсы сельской местности, питающие развитие городской сети. Аграрная стадия для России, и Урала в частности, продолжается вплоть до 1940-х гг и соотносится с расширяющейся моделью развития системы расселения, в результате чего заселение и освоение территории приобретают достаточно равномерный характер.

Ситуация начинает существенно меняться в конце 1930-х гг.: завершение индустриализации, развитие процессов концентрации производства, в том числе в сельском хозяйстве, приводят к формированию тенденции сжатия поселенческой сети, преимущественного развития населенных пунктов, расположенных вокруг городов и крупных промышленных и административных центров, т.е. начинается переход к урбанизированной стадии развития системы расселения. Этот переход основан на общих закономерностях, связанных, в частности, с изменением типа демографического воспроизводства, снижением рождаемости, а также резким сокращением численности сельского населения в результате коллективизации, индустриализации и потерь в годы Великой Отечественной войны.

Уже по переписи 1939 г. численность сельского населения в РСФСР составила 72 083 229 чел. (66,5%), а на Урале — 9 513 407 (65,9%)¹², что свидетельствует о формировании индустриально-аграрного общества. В дальнейшем эта тенденция еще более полно дает о себе знать, особенно в 1950–1960-е гг, удельный вес сельского населения в РСФСР по переписи 1959 г. достигает 47,6%, а на Урале — 43,6%¹³. В результате формируется основа для развития процессов концентрации и сокращения сельской поселенческой сети. Эта объективная по своей сути тенденция была дополнена и во многом деформирована политикой государства в области сельского хозяйства (ликвидация хуторской системы в конце 1930-х гг., укрупнение колхозов в 1950-е гг., массовый перевод колхозов в совхозы), закономерным результатом чего стало запустение и ликвидация большого числа малых деревень.

Таким образом, на протяжении XX века мы можем наблюдать циклическое развитие системы расселения, где четко выделяются стадии количественного и качественного расширения поселенческой сети вплоть до 1940-х гг. и стадии сжатия (табл. 1), связанная с сокращением числа сельских населенных пунктов, уменьшением численности сельского населения и концентрацией их вокруг городов.

Таблица 1

Численность поселенческой сети Уральского региона в 1939–1979 гг.

Регион, область	Численность сельских населенных пунктов			
	1939	1959	1970	1979
Уральский экономический район	40183	36424	24493	19711
Баш. АССР	9147	8710	5769	5098
Удм. АССР	5161	4849	3130	2546
Курганская	-	2270	1609	1339
Оренбургская	4783	4576	2595	2042
Пермская	15160	9351	6500	4984
Свердловская	5282	3549	2928	2051
Челябинская	6504	3119	1962	1651

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 133. Л. 17; Д. 3996. Л. 50, 64–70; Д. 6121. Л. 68–114; Оп. 27. Д. 195. Л. 85–87 (данные приведены в границах территорий соответствующих лет).

Среди основных факторов, воздействующих на развитие системы расселения, принято выделять *природно-географический, демографический, экономический, политический*, каждый из них влияет на активность и равномерность освоения территории, тип заселения (приречный, при-трактовый, водораздельный, приозерный и др.). Обычно на первый план

выдвигаются в историко-географических исследованиях экономические и демографические факторы: динамика развития производительных сил и процессы воспроизводства населения, которые без сомнения во многом определяют географическую карту расселения в регионе.

Нам, однако, хотелось бы дополнить приведенный выше перечень и выделить *социальный* фактор, до сих пор мало учитывавшийся при анализе процессов расселения.

Поселение как базисный элемент системы расселения формируется прежде всего в ходе обустройства места жительства. Оно должно отвечать необходимым минимальным требованиям жизнеобеспечения населения: расположено в удобном месте (чаще всего на берегу реки или озера), не затопливаемом весной и не засушливом, пригодном для ведения сельского хозяйства или каких-либо промыслов. Важнейшим ориентиром при выборе места поселения всегда выступала обеспеченность питьевой водой, защищенность от неблагоприятных природных явлений, доступность мест приложения труда (природные ископаемые или обрабатываемые земли) и транспортных путей, наличие необходимого для основной деятельности сырья и топлива.

В традиционной системе расселения преобладал свободный естественный подход к выбору места создания населенного пункта, предпосылкой реализации которого на Урале стала захватная форма освоения земель, которая преобладала в XVI–XVIII вв. Таким образом, заселение осуществлялось прежде всего исходя из соответствия выбранного места некоторому набору критериев, обеспечивающих стабильные условия развития поселения, в том числе и эстетические. Во многом это способствовало устойчивости сети поселений, сложившейся в данный период. В XIX в. получает распространение регистрационная форма выделения земель. Однако и здесь право выбора наиболее удобного места жительства, соответствовавшего всем необходимым условиям, все же оставалось за переселенцами.

Ситуация на Урале кардинально меняется в конце XIX — начале XX в., когда исчерпываются ресурсы свободных и удобных для заселения земель (в Центральной России аграрное переселение наступает намного раньше). В этих условиях государство становится основным регулятором процессов расселения, существенно возрастает его управляющее воздействие и формируется новый подход к формированию поселенческой сети, который можно обозначить как *административно-экономический*.

С точки зрения «экономического» подхода поселение прежде всего должно отвечать требованиям развития производства. Такая позиция стала преобладающей в эпоху развития индустриального общества, и особенно начиная с 1930-х гг. Выбор места создания поселения стал адми-

нистративным решением и предопределялся производственной необходимостью.

С точки зрения «административного» человека создание и функционирование поселенческой сети должно в первую очередь соответствовать долговременным или сиюминутным целям государства, например: попытка снизить земельный голод, характерный для центральных и черноземных районов страны, или необходимость освоения труднодоступных с неблагоприятным климатом, но богатых природными ресурсами территорий (Север, Дальний Восток, Сибирь), или же выбор мест для ссылки всех неугодных правящему режиму. Административный подход к развитию системы расселения нашел отражение уже в ходе проведения Столыпинской реформы в 1906–1914 гг. при выделении участков для переселенцев.

На практике эти две позиции объединяются и получают отражение в политических решениях, будь то столыпинские преобразования или раскулачивание, освоение целины или любое другой масштабное деяние — все они опираются в первую очередь на общественную целесообразность и в последнюю очередь на то, насколько удобным и соответствующим требованиям жизнеобеспечения будет вновь создаваемый поселок.

Наиболее полное воплощение административно-экономический подход нашел в разработке Генеральной схемы расселения в СССР, созданной в 1970-е гг. Уже в 1960-е гг. начинается разработка и реализация программы перестройки существующей системы сельского расселения в соответствии с потребностями развития экономики. Первоначально разрабатывается Генеральная схема размещения производительных сил и производственных ресурсов, которая выступает как основа для создания Генеральной схемы расселения. Реализация этой программы осуществлялась в контексте политики ликвидации неперспективных деревень, концентрации и укрупнения поселенческой сети.

Таким образом, появляется необходимость говорить о социальном факторе, влияющем на развитие системы расселения, как городского, так и сельского, и нашедшем отражение в политических решениях правительства.

Немаловажное значение в данном контексте постановки проблемы имеют взгляды и представления, формирующиеся в обществе и отражающие наиболее целесообразные и привлекательные в идеологическом, эстетическом и бытовом плане формы поселений, так называемые «идеалы поселенческого устройства».

Большой интерес представляет изучение мифов и социальных теорий о наиболее благоприятном пространственно-географическом распределении общества. С этих позиций город выступает как некоторый идеал, к которому должно стремиться развитие системы расселения. Город как

средоточие материальных и культурных благ, благоустройства, обеспечивающий наиболее высокий уровень защищенности жителей, всегда рассматривался как наиболее благоприятная и приоритетная форма поселений. В советское время существенное влияние на развитие сельской поселенческой сети оказала концепция «агрогородов» как наиболее целесообразной и эффективной формы сельских поселений, что отразилось на их внешнем облике и пространственной организации.

Особо хочется остановиться на влиянии политического фактора, ставшего, по-нашему мнению, определяющим для развития поселенческой системы в XX в. Уже начало века ознаменовалось рядом политических решений, которые оказали существенное воздействие на развитие системы расселения, способствуя появлению новых типов поселений, освоению новых районов. В дальнейшем это влияние возрастает, достигая наибольшей силы к 1930-м гг. Характерной особенностью этих решений было то, что они преследовали собственные цели, не были непосредственно ориентированы на перестройку системы расселения.

Среди политических решений и реформ особое место занимают столыпинские преобразования, начало которым положил указ от 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». В 1910 г. указ стал законом, гласившим, что, в связи с отменой выкупных платежей, наделные земли освобождаются от ограничений общинного владения, а крестьяне приобретают право свободного выхода из общины с укреплением надела в личную собственность. Закон от 29 мая 1911 г. обратил особое внимание на вопросы землеустройства, при этом основной упор был сделан на образование хуторских и отрубных хозяйств. Важной составной частью реформы стала переселенческая политика, основной целью которой стало снижение земельного голода в центральных районах России путем переселения малоземельных крестьян на казенные земли в Сибирь и Среднюю Азию. Не вдаваясь в анализ общих итогов столыпинских преобразований, остановимся на результатах, проявившихся в системе расселения. Во-первых, столыпинские преобразования положили начало созданию *хутора* как нового типа поселений, не типичного для большинства районов Российской империи (в том числе Урала), и, во-вторых, способствовали освоению малозаселенных земель восточных регионов. На Урале, в Сибири создание хуторской системы послужило толчком для резкого роста численности малодворных поселений. Всего по стране на наделных землях было образовано 300 тыс. хуторов и 1,3 млн. отрубов¹⁴. Основная масса поселений, основанных на участковом землепользовании, приходилась на северо-западные, южные и юго-восточные губернии.

Общее число переселенцев за 1906–1915 гг. составило 3,1 млн. человек, большая часть их сумели закрепиться на новых землях. Оценив в 1910 г. первые итоги переселения, П.А. Столыпин более четко формулирует цель переселения: освоение колониальных окраин империи, укрепление ее границ и ассимиляция коренного населения, т.е. более отчетливо прозвучали политические мотивы переселенческой политики.

На Урале итоги столыпинских преобразований были более скромными, чем по стране в целом. По 4 губерниям (Пермской, Вятской, Уфимской, Оренбургской) вышли из общины и укрепили в свою собственность землю только около 10% крестьянских дворов, в т.ч. в Пермской губернии — только 4%. На хутора выделилось в Пермской губернии 2,3% дворов, в Вятской — 0,9%, в Уфимской — 5,9%¹⁵. Переселение на Урал было не таким массовым как в районы Алтая, Сибири, Казахстана. В целом за 1907–1914 гг. на уральской земле осело около 70 тыс. человек. Они на льготных условиях получали земельные участки и единовременные ссуды. Выделенные земельными органами переселенческие участки, зарегистрированные в списках населенных мест 1908 г., стали основой формирования многих населенных пунктов и могут рассматриваться в качестве примера административного решения, последствия которого далеко не всегда соответствовали стандартам условий жизнеобеспечения.

Дальнейшие события — Первая мировая война, Октябрьский переворот, Гражданская война — оказали свое влияние на систему сельского расселения. Принципиально важными здесь являются следующие моменты: 1) сокращение численности сельского населения в результате мобилизации в армию и потерь в годы мировой и гражданской войны, что в целом ведет к снижению людности поселений и росту числа малодворок; 2) перемещение части городского населения в годы Гражданской войны в сельскую местность как средство избежать голода и обеспечить себя необходимым минимумом продуктов питания. На Среднем Урале подобное перемещение не имело значительных размеров, т.к. многие из рабочих имели свои приусадебные хозяйства в городской черте; 3) в результате военных действий в ходе Гражданской войны часть населенных пунктов пострадала. В целом, влияние этого сложного и насыщенного событиями периода на систему расселения пока мало исследовано, хотя на основе общих данных можно прогнозировать незначительное сокращение сельских поселений. Вместе с тем имеются примеры формирования новых населенных пунктов, определенным толчком к образованию которых послужила Первая мировая война. Например, пос. Калиново (Невьянский район) возник в 1914 г. в связи со строительством на берегу оз. Таватуй динамитного завода. Строительство поселка велось пленными австрийцами по специально разработанному плану. В частности, в музее поселка сохранились чертежи жилых и служебных построек. Примечательными

чертами поселка стали жилые постройки барачного типа, сохранившиеся до сих пор, благоустройство которых для того времени было достаточно высоким (печное отопление, теплые туалеты). Индивидуальное жилье стало строиться в поселке только в 1950-е гг.

Можно предположить также, что в рассматриваемый период некоторый толчок к развитию получили поселки заводского и приискового типа, ориентированные на военные нужды.

В 1920-е гг. ситуация в области расселения резко меняется, вновь начинает преобладать тенденция к расширению поселенческой сети, связанная с аграрным освоением территорий. В качестве одной из причин роста численности сельских населенных пунктов были мероприятия, связанные с проведением НЭПа, а также меры, предпринятые в области колхозного и совхозного строительства.

Следует обратить внимание и еще на один важный момент: 1920-е гг. известны как период крупномасштабных экспериментов в области административно-территориального деления — в частности, это особо затронуло Уральский регион, где была создана в 1923 г. Уралобласть и проводилось экономическое районирование. В этот период начинает формироваться нормативно-законодательная база, регулирующая вопросы расселения, (в частности, статус городских и сельских поселений).

15 сентября 1924 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли Общее положение о городских и сельских поселениях и поселках, по которому все населенные места делились на две категории — городские и сельские поселения. При этом определялись только критерии городского поселения: численность жителей должна составлять не менее 1 тыс. взрослого населения, при условии, если сельским хозяйством занимаются не более 25% населения. При отнесении населенных пунктов к категории городских принималось во внимание следующее: возможность обеспечения населенного пункта достаточным количеством земли, необходимым для городского хозяйства; перспективы в развитии численности населения; рост промышленности; близость к железной дороге и др. Этот законодательный акт положил начало определению нормативных критериев, определявших правовой статус каждого населенного пункта с целью упорядочения их землепользования, взимания налогов, управления и т.п. В связи с этим постановлением были пересмотрены и объявлены новые списки городов. В дальнейшем порядок отнесения населенных пунктов к поселениям городского типа уточнялся следующими законодательными актами: постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О рабочих поселках»; «О курортных поселках», «О дачных поселках», в соответствии с которыми к поселкам городского типа могли относиться селения, где численность взрослого населения была не менее 400 чел., а число лиц, не занимающихся сельским хозяйством, должно быть не менее 65%.

Таким образом, в законодательных документах 1920-х гг. были определены критерии городских поселений и выделены их основные типы: города, рабочие поселки, курортные и дачные поселки. К сельским поселениям относились те, которые не входили в категорию городских, однако каких-либо мер по определению критериев и статуса различных типов сельских населенных пунктов (деревня, село, хутор, выселки, поселок и пр.) не было предпринято, и в дальнейшем на законодательном уровне эти вопросы не были решены. Вплоть до настоящего времени регистрация и определение типа в основном ориентировано на традицию. В целом политика в области административно-территориального деления и вопросов о статусе населенных пунктов формируется под жестким влиянием идеологических и классовых принципов. В частности, городская местность с точки зрения налогообложения, цен на товары, размеров заработной платы и пенсий, ассигнований на благоустройство ставится в более благоприятные условия, чем сельская.

Большое влияние на развитие сельского расселения оказали аграрные мероприятия периода НЭПа — в частности, принятие в 1922 г. Земельного кодекса. Он определял основные принципы землепользования и ведения хозяйства. Кодекс установил юридическое равноправие всех форм трудового крестьянского землепользования (общинной, участковой и коллективной), закрепил принципы национализации земли, заложенные в Декрете о земле 1917 г. и других законодательных актах. Характерной чертой земельной политики 1920-х гг. стали активно проводившиеся работы по межселенному землеустройству, а также расселение многодворных деревень, образование выселков, хуторов, новых поселков — все это в совокупности обусловило рост численности сельских поселений и земельных обществ.

Интересно проанализировать материалы о составе сети населенных мест, подготовленные Статбюро Екатеринбургской губернии в 1923 г.¹⁶

На момент описания губерния включала 7 уездов: Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский, Красноуфимский, Нижнетагильский, Шадринский. В справочнике учтены 3 879 населенных пунктов с указанием расстояния в верстах до губернского, уездного, ближайшего городов, волостного центра, ближайшей железнодорожной станции, почтово-телеграфного отделения, сыпного пункта, больницы или фельдшерского пункта, школы первой ступени; указано число хозяйств по переписи 1920 г.; численность населения (мужчин и женщин) по переписи 1920 г.; состав населения по национальности; источники воды.

Анализ структуры поселенческой сети по типам поселений отражает те основные направления, по которым в 1920-е гг. и в последующий период идет перестройка сельских поселений. Помимо традиционных ти-

пов (деревня, село, хутор, выселки) зарегистрированы новые: коммуны и трудовые артели (41); совхозы (5); больницы (3); железнодорожные будки и казармы (321); переселенческие участки (180); номерные поселки (21); детские колонии (3); подсобное хозяйство (1); дом социального обеспечения (1)¹⁷.

Система расселения, складывающаяся в рамках уездов, имеет специфические черты. Так, например, наибольшее число переселенческих участков отмечены в Верхотурском уезде: в Дерябинской волости из отмеченных 38 населенных пунктов 10 — это переселенческие участки; в Караульской волости из 18 зарегистрированных населенных пунктов — 7 переселенческих (с числом жителей от 10 до 73 человек); в Лобвинской волости из 18 поселений 15 переселенческих участков, в Ново-Лялинской из 12 — 8 и т.д. Сельское расселение в Екатеринбургском уезде сохраняет в целом традиционный характер. В Ирбитском уезде наиболее часто встречаются населенные пункты, связанные с формированием колхозной и совхозной систем. Интересно, что зарегистрированные поселения называются по имени коммуны или совхоза. Например, в Боровской волости Ирбитского уезда зарегистрирован Ницынский совхоз с численностью населения 81 чел., в Волковской волости — Ирбитский совхоз, в Нязе-Петровской волости — Железниковская коммуна, Чернореченская трудовая артель (49 человек, 1 хозяйство), в Огневской волости — Покровская трудовая артель, Семеновская трудовая артель.

Таким образом, для поселенческой сети начала 1920-х гг. характерно:

- дальнейшее развитие и расширение хуторской системы;
- значительное расширение поселенческой сети, особенно в северных волостях за счет переселенцев из центральных областей России в результате проведения переселенческой политики;
- появление совхозных поселков и поселков подсобных хозяйств как нового типа сельскохозяйственных поселений;
- создание поселений, основной функцией которых становится рекреационная функция, в т.ч. здравоохранение, отдых;
- расширение сети железнодорожных поселений — таких, как будки, казармы, полуказармы, разъезды, станции.

Возникнув на Урале в ходе проведения Столыпинской реформы, хуторская система в годы Гражданской войны несколько сократилась, что было связано с укреплением позиций общины. В общинном землепользовании в целом по стране находились около 98% крестьянских земель, в Приуралье — 95,8%; 0,3% составляли отруба, 0,8% — хутора, 0,6% — совхозы. С 1922 г. в связи с введением нового Земельного кодекса и развитием НЭПа большое распространение получил отвод новых земель под хутора и отруба. Удельный вес землеустроительных работ по выделению на хутора и отруба составил в 1919/1920 г. — 0,03%;

на хутора и отруба составил в 1919/1920 г. — 0,03%; в 1922 г. — 7,3%; 1923 г. — 9,8%; в 1924 г. — 6%; 1925 г. — 5,3%; в 1926 г. — 3,6%; в 1927 г. — 2,2%¹⁸. Все это подтолкнуло процесс формирования малодворных поселений — хуторов и выселков.

Однако начиная уже с 1924 г. Наркомзем РСФСР принимает ряд решений по вопросам землеустройства, которые объективно были направлены на развитие коллективных форм землепользования и существенно ограничивали хуторскую систему. В частности, циркуляр от 24.10.24 г. «О прекращении хуторских разверстываний» предлагал отводить под хутора участки, непригодные для образования поселков. На протяжении последующих лет число новых хуторских хозяйств резко сокращается. Это характерно и для Урала. В соответствии с данными справочника «Населенные места Уральской области» (1928) основная часть хуторов и выселков, образовавшихся в 1920-е гг., возникла в период с 1922 по 1925 г. С 1928 г. выдел на хутора резко сокращается и начинается процесс сселения с хуторов, даже появляется специальный термин «расхуторизация». Логичное завершение этот процесс получил в конце 1930-х гг., когда в связи с упрочением колхозной системы начинается планомерная работа по переселению с хуторов в колхозные усадьбы. Окончательное свертывание хуторской системы связано с принятием Постановления Пленума ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21–24 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». В целях искоренения «буржуазных тенденций» в землепользовании перед местными властями была поставлена задача ликвидировать хуторские участки и провести сселение хуторов до 1 сентября 1940 г.¹⁹ Для организации сселения на местах были образованы специальные комиссии, в задачи которых входило выявление полного списка хуторов и организация переезда на новое место жительства. В Свердловской области по данным отчета за 1940 г. подлежало сселению 2 599 хуторов, в т.ч. 1 957 — колхозных, 363 — индивидуального землепользования. Было фактически сселено к концу года 2 148 хуторов, т.е. 82,6%. В дальнейшем хутора как населенные пункты, связанные с определенной участковой формой землепользования, прекратили свое существование. Хотя в наименованиях населенных пунктов слово «хутор» продолжало упоминаться вплоть до конца 1960-х гг., указывая главным образом на малодворность населенного пункта.

Землепользование в 1920-е гг. на Урале отличалось, например, преобладанием общинных форм землепользования над участковыми, что, в свою очередь, способствовало распространению таких явлений, как чересполосица и дальнотемелье. В Кунгурском, Пермском, Сарапульском, Свердловском и Шадринском округах в одном месте компактно имели землю только 10,9% селений. Земля 39,4% сел и деревень располагалась в 2–10 местах; 41,6% имели землю в 11–50 местах, а 8,1% — в 50 и более.

Наличие межселенной чересполосицы влияло на отдаленность расположения участков от поселений. В среднем по пяти округам Центрального Урала пашенные участки отстояли от усадьбы на 3 км у 13,7% селений, а свыше 10 км — у 35,9%²⁰. Для борьбы с чересполосицей и дальнотемельем применялись землеустроительные работы, связанные с разделением на части и расселением многодворных общин, образованием групповых поселений (выселки, поселки) мелкого и среднего размера.

Так, например, в результате землеустроительных работ в Центрально-Черноземной области РСФСР в 1924/1925 г. был образован 561 новый поселок, в 1925/1926 г. — 760; в 1926/1927 г. — 1 043 поселка, они состояли в среднем из 20–25 дворов с земельным наделом 220–250 га, норма надела на 1 двор соответствовало в среднем 10 дес. В целом по РСФСР за 1922–1927 гг. организовано свыше 4 тыс. новых поселков, в них было выселено около 132 тыс. крестьянских дворов²¹.

В Уральском регионе образование новых поселков в сельской местности шло в основном двумя путями: 1) путем расселения многодворных сел и образования выселков; 2) в результате проведения политики переселения крестьян из центральных районов страны. Переселенческая политика была направлена на смягчение земельного голода, ставшего результатом сельскохозяйственного перенаселения, характерного для черноземных и южных областей страны. Уже начиная с 1922 г. разрабатывается ряд мер с целью привлечения крестьянства для освоения территорий восточных районов страны, в том числе Урала. Создается переселенческий комитет, начинается работа по отводу земельных участков. Основным местом переселения на Среднем Урале стал Верхотурский уезд. Вероятно, многие из сформированных поселений были ориентированы не только на сельскохозяйственное производство, но и на лесную промышленность, добывающие отрасли и др. Справочник 1923 г. отражает начальную стадию оформления поселенческой сети на базе переселенческих участков, многие из них еще не имеют названия, а только номер. Политика переселения развивается на протяжении 1920-х гг., достигая своего пика в 1925/1926 г., когда по данным земельной статистики переселенцам было передано в целом по стране 6,1 млн. га.

Существенное влияние на развитие сельской поселенческой сети оказали и мероприятия по социалистическому переустройству сельского хозяйства, которые были связаны с развитием коллективных и государственных форм землепользования, т.е. с колхозной и совхозной системой.

Трудовые артели, коммуны и другие формы коллективных хозяйств начинают создаваться с 1918 г., однако более активно этот процесс разворачивается после окончания Гражданской войны и принятия Земельного устава 1922 г. Чаще всего создаваемые колхозы территориально входили в состав земельных обществ, на землях которых они возникли.

В этом случае в результате землеустроительных работ колхозу отводился участок земли из общинного фонда, сами колхозники оставались жить в деревне, территориально не обособляясь от других жителей. В справочнике 1923 г. такие хозяйства отмечаются как «деревни с трудовой артелью». Реже колхозы создавались на некрестьянских землях. В этом случае земельный участок отводился артели из фонда государственных земельных имуществ, это могли быть пустоши или заброшенные, необжитые территории, целина. Хозяйственное освоение выделенных земель, как правило, было связано с созданием нового поселения. Такие поселки первоначально и могли регистрироваться как трудовые артели или коммуны. На территории Екатеринбургской губернии в 1923 г. их отмечено 41. Жизнеспособность этих поселений трудно оценить однозначно и трудно проследить, т.к. в дальнейшем они переименовывались и фигурировали в списках уже под другим именем. Интерес представляет пространственная структура такого поселка. По данным справочника 1923 г. в них отсутствовали индивидуальные хозяйства: усадьбы, жилые постройки соответствовали, видимо, барачному типу и ориентировались на принципы общежития.

По данным земельной статистики 1926 г. в Центрально-промышленном районе 83,4% земель новых сельхозугодий получили общины, 9,7% — вновь образованные поселки; в Центрально-земледельческом районе — 61,7% земельные общества, 23,1% — новые поселки; в Сибири 70% — общества, 27,5% — поселки, остальная часть новых земель передавалась колхозам²².

Новым явлением в этот период становятся совхозные поселки, появление которых связано с созданием совхозной системы производства. Начало совхозному строительству положил Декрет о земле 1917 г., который предусматривал создание на базе высококультурных помещичьих хозяйств социалистических сельскохозяйственных предприятий. В нем, в частности, были определены те хозяйства, которые не подлежали разделу между крестьянами: это сады, питомники, семенные хозяйства, опытные поля и участки. Материальной основой для создания первых совхозов послужили земли и средства крупных земельных собственников — помещиков, монастыри, удельные хозяйства. В конце 1918 г. в РСФСР насчитывалось 3 101 государственное хозяйство, в т. ч. 80 — на Урале. Наибольшее число их отмечено в Уфимской губернии (40), Пермской (20) и Вятской (20). В Екатеринбургской, Челябинской и Оренбургской губерниях в 1918 г. совхозы не зарегистрированы²³.

Декретом Совнаркома от 15.02.19 г. «Об организации советских хозяйств учреждениями и объединениями промышленного пролетариата» было положено начало организации подсобных хозяйств (в то время они назывались приписными) на пустующих и незанятых землях, а также в

бывших помещичьих хозяйствах. Они выполняли функции продовольственного обеспечения работников промышленных предприятий или советских учреждений, к которым приписывались. К 1920 г. число государственных хозяйств на Урале выросло до 139, в т.ч. 37 приписных. На свободных и пустующих землях возникало не более 25% хозяйств. Таким образом, характерной чертой совхозного строительства начального этапа было то, что организация госхозов осуществлялась, как правило, на основе бывших помещичьих хозяйств и имевшейся поселенческой сети.

Однако уже в это время, совхозы рассматривались как наиболее перспективная и соответствующая социалистическим принципам форма организации сельскохозяйственного производства. Их называли «фабриками по производству зерна и мяса», т.е. деятельность их строилась по аналогии с промышленным производством, соответственно и пространственное оформление поселений ориентировалось на фабрично-заводские поселки. Вообще совхозные поселки, создаваемые в 1920–1930-е гг., можно рассматривать как первую попытку реализовать общественные представления о наиболее передовом и прогрессивном варианте сельского поселения в виде «агрогородков».

Обсуждая принципы организации совхозного производства, руководители партии и правительства пытались представить и реализовать такую модель, которая не имела бы «исторического прошлого». Так, в воспоминаниях В. Бонч-Бруевича можно найти такой рассказ: «В.И. Ленин как-то сказал мне, мог ли бы я, совмещая свою основную работу, организовать такой совхоз поблизости от Москвы, в котором не было бы истории какого-либо прошлого имения, а совершенно вновь, применив там все советские нормы и требования»²⁴. Однако вплоть до конца 1920-х гг. создание совхозов на новых, ранее не использованных землях носило единичный характер. К их числу относится, например, подмосковный совхоз «Лесные поляны», созданный в 1920 г. в результате освоения выделенных земельных угодий, большинство которых было представлено в виде полей, разбросанных в лесу.

В 1921–1926 гг. происходит сокращение численности совхозов, обусловленное во многом введением хозрасчета, перестройкой системы управления совхозами, их трестированием. Только с 1927 г. возобновляется вновь рост численности совхозов.

Интересно отметить новую черту внешнего облика сельских поселений, развитие которой связано именно с колхозными и совхозными поселками, — ориентацию на жилые постройки в виде бараков и общежитий, отрицавших традиционный крестьянский двор. Он воспринимался как пережиток «темного прошлого», «буржуазных настроений», поэтому в новых поселках, с которыми связывали будущее аграрного сектора, индивидуальная крестьянская усадьба, включавшая избу, хозяйственные

постройки, не предусматривалась. Более того, особенно в 1920-е гг. представители Наркомзема выступали за безусловное запрещение и ликвидацию каких-либо огородов и личных хозяйств. В новых поселках стремились как можно полнее реализовать принципы общежития, в том числе предусматривалось строительство общих столовых, бань, культурно-бытовых учреждений и др.

Массовое строительство «новых» совхозов на свободных, не закрепленных за общинами землях осуществилось только в конце 1920-х – начале 1930-х гг. При этом материальная база их, в т.ч. капитальное строительство, формировалась полностью государством. На этом новом этапе совхозного строительства были реализованы задачи создания узкоспециализированных (зерновых, животноводческих) крупных хозяйств, имеющих прочную техническую базу, преимущественно на целинных и залежных землях. Начало этому этапу положил Пленум ЦК ВКП(б), состоявшийся в июле 1928 г. Законодательное оформление решения Пленума получили в Декрете ВЦИК и СНК СССР «Об организации крупных зерновых советских хозяйств» от 1 августа 1928 г. В нем ставилась задача в течение 4–5 лет организовать на свободных землях РСФСР и Украины крупные механизированные хозяйства. Всего за период 1930–1932 гг. число совхозов в СССР выросло с 800 до 1 971²⁵. В Уралообласти по состоянию на 31 декабря 1931 г. было зарегистрировано 37 совхозов²⁶.

Отвод земли под новые хозяйства осуществлялся специальными комиссиями местных земельных органов, которые действовали под контролем комиссий содействия строительству зерновых совхозов, возглавляемых первыми секретарями обкомов и крайкомов партии. Уже в первые годы сказались трудности, возникшие в связи с отводом земель. Так, выделение земель животноводческим совхозам началось зимой 1929/1930 г., когда практически невозможно было оценить те или иные массивы. Уже летом повсеместно стали отмечаться недостаток сенокосов и выпасов, на территории многих совхозов не было естественных водоемов. Такая ситуация в ходе обследования была зафиксирована в Камышловском, Талицком, Мокроусовском, Брединском и других скотсовхозах Уралообласти.

Средняя земельная площадь зерновых совхозов в этот период составляла около 80 тыс. га, животноводческих — 100 тыс. га, на каждое зерновое хозяйство в среднем приходилось 100–103 трактора, 50 комбайнов, 20 машин, на животноводческое — 7–13 тракторов. В условиях массовой коллективизации создаваемые совхозы играли пропагандистскую роль своеобразных центров социалистического земледелия. Они оказывали техническую помощь окружающим колхозам, распространяли опыт организации крупного хозяйства.

Особенно быстро росла численность совхозов в годы первой пятилетки, именно тогда была заложена их основная сеть. Если в 1929 г. в

СССР насчитывается 3 042 совхоза, в 1930 г. — 4 832; в 1931 г. — 5 383, в 1932 г. — 4 523, в 1934 г. — 4 118, в 1940 г. — 4 159²⁷. Во второй половине 1930-х гг. происходит переориентация на укрепление совхозной системы, строительство новых совхозов отходит на второй план. В целом число совхозов сокращается в связи с ликвидацией части предприятий. Рост численности совхозов во второй пятилетке в основном происходит за счет разукрупнения существующих совхозов.

На Урале в 1934 г. насчитывается 164 советских хозяйства, а в 1940 г. — 330²⁸, что во многом не соответствует общесоюзной тенденции и в целом связано с наличием значительного количества неосвоенных сельскохозяйственных земель. В Свердловской области на 1.01.1940 г. насчитывается 79 совхозов, наибольшее число пригородных наблюдается в Арамилском районе и вокруг г. Нижнего Тагила. Приказом Наркомата совхозов от 10.05.40 г. был установлен дополнительный план освоения целинных и залежных земель для совхозов восточных районов, в т. ч. для Алтая, Красноярского края, Челябинской области.

Одной из проблем организации совхозов было обеспечение рабочей силой. В совхозах выделялись три категории работников: постоянные, сезонные и поденные рабочие. Из них только постоянные работники пользовались соответствующими статусу рабочих льготами, в том числе по налогообложению, снабжению, социальному обеспечению. Удельный вес постоянных рабочих в 1920-е гг. был невысоким, к началу 1930-х гг. он возрастает до 40,6%²⁹. Вместе с тем в условиях массового строительства новых совхозов проблема необходимых рабочих рук существенно обостряется. Одним из направлений решения этого вопроса стало использование труда раскулаченных. Так, например, в 1931 г. для работы в зерносовхозе Исетского района было направлено 750 чел, в Красноуфимский район — 150 чел.³⁰, таким образом, одним из источников комплектования кадров стали спецпоселенцы.

Создание новых совхозов тесно связано с организацией «новых» совхозных поселков. По планам к концу второй пятилетки все совхозы должны были быть полностью отстроены, иметь необходимые жилые, культурно-бытовые постройки (в частности, около 40% всех капиталовложений были направлены на строительство). Первым строителям и работникам совхозов приходилось жить в землянках и вагончиках, жилищные и бытовые условия были чрезвычайно тяжелыми. Все капиталовложения в первую очередь направлялись на производственное строительство, и только со второй половины 1930-х гг. начинается хозяйственно-бытовое обустройство совхозных поселков. В качестве обычных ситуаций, характерных для жилищно-бытовых условий рабочих совхозов того времени, отмечаются теснота в общежитиях и бараках, землянки, отсутствие умывальников, холод в помещениях. Столовые — грязные и с

плохого качества пищей. В поселках нет ни клуба, ни библиотеки, ни школы.

Вот как описывается в воспоминаниях старожилов создание одного из совхозных поселков, принадлежащих Ревдинскому совхозу, — Старая Ледянка: «Лошадей 20 пригнали с Дона, дали плуги, бороны, мужиков с Ишима. Провели митинг на Вороновской заимке, все это хозяйство отправили на место, где речка Ледянка. Там была каменная и деревянная избушки — и больше ничего. Начали устраиваться... Собирали избушки по покосам. С одной стороны реки 8 избушек, с другой — 6. Они плохонькие, но получилась улица... В 1932 г. осенью построили барак и дом, потом школу. Свои дома построили только две семьи. В 1938 г. построили еще 2 барака. Каждой семье давали по одной комнате, а семьи были большие, спали прямо на полу... Магазины не было. Кладовщик брал в конторе деньги, запрягал пару лошадей и ехал на Петровскую дачу, центральную усадьбу совхоза, там закупал продукты в магазине, а потом в поселке торговал»³¹. Аналогичная картина характерна и для других совхозных поселков, благоустройству которых в это время не уделялось практически никакого внимания.

Материальное благосостояние большинства рабочих, даже квалифицированных, было недостаточным для минимального жизнеобеспечения, поэтому большинство стремились завести свое хозяйство, чтобы прокормить семью и детей. Только с 1933 г. Постановлением СНК СССР было разрешено выделять постоянным рабочим зерносовхозов земельные участки под огороды размером не более 0,25 га. В 1934 г. была допущена возможность покупки скота для индивидуального пользования. В 1936 г. уже более половины постоянных рабочих имели свой скот, около 70% — огороды. Размеры участков под огороды и численность скота жестко ограничивались, а к 1940 г. огороды были сокращены до 0,15 га.

Основным видом жилья в совхозных поселках были бараки и общежития. В 1933 г. было разрешено на условиях кредитования вести индивидуальное жилищное строительство, однако оно в силу ряда причин не приобрело большого размаха. В марте 1934 г. начали разрабатывать типовые планы застройки центральной усадьбы и отделений совхоза. Под жилой дом выделялись до 1,5 га земли, в качестве основного типа жилья рекомендовались одноэтажные двухквартирные дома с надворными постройками. В 1937 г. в среднем на 1 жителя в совхозах СССР приходилось 7,5 м² жилья. Благоустройство поселков было на низком уровне. В 1940 г. по данным отчетов Наркомата совхозов электрифицировано было около 25% жилых помещений, водопровода не было (менее 1%). Особенно тяжелые условия отмечены в животноводческих совхозах. К концу 1937 г. на каждые 100 совхозов приходилось 217 школ, 108 клубов, 108 радиоузлов.

Новый этап развития застройки совхозных поселков относится к 1940 г., когда был разработан Генеральный план строительства и благоустройства совхозов, в котором рекомендовались в качестве основного вида жилья одноэтажные двух-, четырехквартирные дома, выделялось по 0,15 га под огороды, предусматривалось строительство дорог, озеленение, культурно-бытовые сооружения и проч. В перспективе предполагалось большинство поселков превратить в благоустроенные населенные пункты городского типа, располагавшие капитальными производственными постройками, культурно-бытовыми учреждениями и жилыми постройками.

К той же категории сельскохозяйственных поселений, что и совхозные поселки, можно отнести усадьбы МТС и подсобных хозяйств промышленных предприятий. МТС создавались в период сплошной коллективизации из приближенного расчета 1 станция на район. В ряде случаев МТС формировались в районных центрах или наиболее крупных населенных пунктах, таких, как села Ачит, Белоярское, Таборы и др.

В целом, нужно отметить, что коллективизация и развитие совхозной системы оказали существенное влияние на перестройку поселенческой сети. Первоначально (в 1920-е гг.) влияние это было незаметным, но с течением времени, в период коллективизации и особенно когда на передний план выдвигаются задачи укрупнения колхозов, поиски наиболее рациональной формы организации колхозного землепользования, это воздействие усиливается. В первую очередь оно выразилось в создании временных сезонных населенных пунктов (полевые станы, фермы), связанных с проведением полевых или животноводческих работ.

С конца 1930-х гг. все более четко проявляются тенденции к концентрации населения в наиболее крупных населенных пунктах колхозов и совхозов. Начинается насильственное сселение жителей малодворных поселений, в основном хуторов, на центральные усадьбы. В послевоенные годы эта тенденция усиливается и становится определяющей в системе расселения.

1930-е годы занимают особое место в развитии системы расселения на Урале. Индустриализация, массовая коллективизация и раскулачивание, культурная революция перевернули и кардинально изменили не только хозяйственный строй страны, но и создали условия перехода к урбанизированной стадии расселения.

Урал стал одним из основных центров «сталинской модернизации». В первом пятилетнем плане непосредственно указывалось: «Задачи индустриализации народного хозяйства СССР побуждают инвестировать крупные средства в основной фонд восточных окраинных и национальных районов Союза. Эти вложения в то же время вытекают из задач форсированного производства средств производства и прежде всего камен-

ного угля и железа, крупные ресурсы которых расположены на Урале и в Сибири»³². Таким образом, промышленное освоение и модернизация промышленности Урала выдвигались на передний план. За годы первых пятилеток в крае было построено около 400 предприятий, ведущие старые производства подверглись коренной реконструкции. В регионе сформировалась новая отраслевая структура, включающая такие производства, как машиностроение, металлургия, химия, электроэнергетика, лесная промышленность. Из преимущественно горно-металлургического центра Урал превратился в многоотраслевой комплекс не только сырьевых, но и перерабатывающих отраслей. Здесь создаются такие гиганты, как уникальный межрегиональный промышленный комплекс Урало-Кузнецкий комбинат, Магнитогорский металлургический комбинат, Новотагильский металлургический комбинат, заводы: Бакальский и Синарский, Первоуральский новотрубный, Красноуральский медеплавильный, Уральский алюминиевый, Челябинский цинковый и др. В крупные машиностроительные центры превратились Свердловск, Челябинск, Нижний Тагил.

Промышленное освоение Урала как нового промышленного района требовало больших капиталовложений и решения проблемы обеспечения трудовыми ресурсами. Последняя реализовывалась в нескольких направлениях: организация наборов рабочих, в первую очередь молодежи, на стройки пятилетки, использование трудовых ресурсов села и принудительного труда заключенных и спецпереселенцев. Таким образом, в 1930-е гг. на Урале отмечается значительный рост численности населения, главным образом за счет миграции, и рост удельного веса городского населения. За период с 1926 по 1937 г. население Урала выросло на 1,8 млн. человек. Миграция в города в этот период в 3 раза превышала величину естественного прироста. К началу 1939 г. на Урале проживало 13,4 млн. чел.³³, в том числе в Свердловской области — 2 511 314 чел.³⁴ Городское население Урала с 1926 по 1937 г. увеличилось в 2,5 раза.

Форсированная индустриализация привела к стремительному росту уральских городов, многие из которых незадолго до этого были лишь небольшими поселками. По данным переписи 1939 г. в Свердловской области — одной из наиболее урбанизированных в регионе — насчитывалось 56 рабочих поселков и 21 город, большинство из которых получили свой новый статус именно в годы первых пятилеток. По данным 1945 г. в области уже 31 город и 71 рабочий поселок, в 1948 — 35 и 74 соответственно³⁵. Как отмечается в письме к Председателю Верховного Совета СССР. Н.М. Швернику, за годы довоенных пятилеток в Свердловской области отмечается не только рост основных промышленных центров, но и значительного числа населенных пунктов, числящихся в составе сельской местности, где добывались полезные ископаемые, ве-

лись торфо- и лесоразработки. Только в 1942–1943 гг. исполком облсовета возбудил перед Президиумом Верховного Совета СССР ходатайства об отнесении к категории рабочих поселков 20 промышленных населенных пунктов, в т.ч. п. Исеть, Новая Сысерть, Николо-Павловское, Марсята и др.

Для этого периода характерен не только рост числа поселений городского типа, но и появление новых несельскохозяйственных поселков, относящихся к категории сельских. Это поселения приисков, леспромхозов, промышленных предприятий. Расширяется сеть железнодорожных населенных пунктов. Распределение сельских населенных пунктов по производственной направленности можно проследить по таблице 2.

Для большинства промышленных поселений были характерны слабое развитие социальной сферы, тяжелые жилищные условия. Остро стояла проблема с экологической ситуацией, т.к. строительство промышленных предприятий велось без учета вредных факторов, оказывающих воздействие на здоровье населения и окружающую среду.

Новым явлением стало создание в конце 1920-х – 1930-е гг. сети домов отдыха, санаториев, детских оздоровительных учреждений, многие из которых послужили основой формирования поселений, выполняющих рекреационную функцию. По плану 1933 г. предусматривалось строительство в сельской местности 18 домов отдыха и санаториев³⁶. Всего по данным 1939 г. в Свердловской области отмечено 67 поселков оздоровительного профиля, в т.ч. Огурдинский бальнеологический курорт, Сухоложский санаторий, курорт на оз. Медвежье и др.

Промышленное освоение региона тесно связано с появлением сети поселений особого статуса — спецпоселков, колоний, лагерных пунктов ГУЛАГа, предназначенных для содержания и трудового использования раскулаченных, заключенных в связи с репрессивной политикой правительства в 1930-е гг.

**Распределение сельских населенных мест по типам
(по данным переписи 1939 г.)**

Тип поселения	Молотов- ская область	Удм. АССР	Баш. АССР	Чкаловская	Челябинская	Свердловская
1	2	3	4	5	6	7
Всего, в том числе	15160	5161	9147	4783	6504	5282
села	370	177	217	577	640	353
поселки	275	46	1822	1344	737	455
деревни	10640	3216	4767	436	1689	2150
хутора	2870	676	1078	756	1348	743
станции	—	—	—	4	—	—
колонии	—	—	—	21	—	—
кишлаки	—	—	4	6	—	—
аулы	—	—	9	185	29	—
юрты	—	—	—	—	—	—
стойбища	—	—	—	3	—	—
фермы, брига- ды колхозов	141	337	280	402	234	91
поселки сов- хозов и МТС	16	38	151	442	338	65
Поселки промышл. предприятий	76	72	166	46	193	153
Поселки, водного и др. транспорта	301	177	291	324	592	527
Рыболовные поселки	—	—	—	5	55	—
Лесные поселки	462	318	278	151	565	679
Оздоровит. поселки	8	20	19	29	64	67
Прочие	1	84	65	52	70	19

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 133. Л. 21.

Урал стал одним из основных регионов расселения людей, которые по тем или иным характеристикам не устраивали существующий режим: политических преступников (врагов советской власти и уголовников). Уже к маю 1931 г. в Уралобласть было направлено 47 157 семей спецпереселенцев, которые были размещены в 33 районах³⁷. На 10 февраля 1932 г. насчитывается около 500 000 спецпереселенцев, расселенных по 69 районам области³⁸. К 1933 г. на Урале находилось более 1 млн спецпереселенцев и мобилизованных³⁹. В дальнейшем к данной категории репрессированных стали присоединяться заключенные лагерей ГУЛАГа, размещенные в областях Урала. Только в Свердловской области в начале

1941 г. состояло на учете около 98 тыс. трудпоселенцев и 61 441 чел. заключенных, находящихся в Ивдельлаге, Севураллаге, Тагиллаге и др. лагерях⁴⁰. За годы войны численность заключенных еще более возросла и составила в 1943 г. 3 млн. 266 тыс. человек⁴¹. В начале 1950-х гг. численность заключенных по Свердловской области⁴² сокращается до 15 322 чел. (на 15 мая 1953 г.), но категория лиц с ограниченными правами перемещения по-прежнему остается достаточно большой: в 1956 г. насчитывалось 60 616 спецпоселенцев⁴³.

Переселение на Урал раскулаченных, а затем заключенных преследовало несколько взаимосвязанных целей: 1) освоение труднодоступных территорий, которые в условиях ускоренной индустриализации приобретают особое значение для экономики страны (Урал, Север и другие р-ны). Это территории, обладающие большими природными ресурсами: лесом, земельными ископаемыми и т. д., но не имеющие развитой поселенческой сети, а значит, неосвоенные. Использование принудительной рабочей силы в лице спецпереселенцев и заключенных позволяло без больших капиталовложений на социальное обустройство территорий решить задачи создания здесь производства; 2) удаление раскулаченных из родных мест, причем выбор территорий ссылки по своим природно-климатическим, географическим характеристикам часто кардинально отличался от мест высылки. Так, массовые потоки спецпереселенцев на Урал организуются из Краснодарского края, Ставрополя, Украины, Белоруссии, где условия земледелия и животноводства резко отличаются; 3) изоляция опасных для власти элементов.

Как один из результатов репрессивной политики 1930–1940-х гг. выступает бурное развитие поселенческой сети, сопровождавшееся созданием режимных зон, особенно в северных районах Урала. Понятие «режимная зона» связано с особым статусом населенных пунктов, ограничивающим свободное перемещение их жителей за пределы, а в некоторых случаях и внутри поселений. Отличительной чертой режимных поселений выступает комендантское управление, фактическая подчиненность силовым структурам, таким, как ОГПУ-НКВД-МВД, ограничение прав жителей. Можно отметить также специфический характер застройки и планировки поселений, где преобладали дома барачного типа, а пространственное расположение во многом было связано с необходимостью контроля и охраны территории поселка (в том числе нередко обязательной деталью архитектурного облика выступают ограды, «украшенные» колючей проволокой, вышки, контрольно-пропускные пункты и т. д.).

Впервые режимные населенные пункты возникают на рубеже 1920–1930-х гг. в результате проведения массовой политики переселения кулаков, затем они получили дальнейшее развитие в системе лагерей ГУЛАГа

и активно использовались оборонным ведомством для обеспечения сохранности государственной тайны, связанной с производством оружия.

В рамках данного процесса можно выделить два этапа:

Первый этап (конец 1920-х – середина 1930-х гг.) связан с формированием поселков спецпереселенцев промышленного, сельскохозяйственного и лесохозяйственного назначения. Сеть данных поселков по количественным характеристикам нестабильна, складывается во многом стихийно, непродуманно, и, как следствие, многие населенные пункты спецпереселенцев не имеют перспективы развития и быстро исчезают с карты Урала. Общее число возникших населенных пунктов точно пока не установлено. На 10 февраля 1932 г. в Уралобласти насчитывается порядка 650 поселков спецпереселенцев⁴⁴. К 1934 г. было ликвидировано до 60 поселков, не имеющих перспектив в силу крайне неудачного выбора места их расположения. Согласно карте спецпоселений, приведенной в монографии В.М. Кириллова, в 1935–1956 гг. в Свердловской области насчитывалось около 190 поселений, в том числе спецпоселков кулаков — 142; советских немцев и украинцев — 17; крымских татар — 20⁴⁵.

Расселение раскулаченных проводилось небольшими поселками, с численностью населения 80–100 человек, как правило, в удалении от существовавших сел и деревень. Лишь в исключительных случаях разрешалось «приселение», но и в этом случае их должны были изолировать от местных жителей. Управление спецпоселками осуществлялось комендантами и уполномоченными, назначаемыми райисполкомами. С 1931 г. постановлением президиума Уралоблисполкома при секретариате Уралсовета создается комендантский отдел во главе с ПП ОГПУ по Уралу, на который возлагалось руководство ссылкой⁴⁶. Использование спецпереселенцев на лесозаготовительных, сельскохозяйственных и других работах осуществлялось хозяйственными организациями (Ураллес, Рыбтрест, Уралуголь, Востокосталь и др.) исключительно с разрешения комендантского отдела через заключение договора. Договор включал пункты, связанные с созданием необходимых условий проживания спецпереселенцев: обязательства по жилищному строительству, снабжению продуктами питания, культурно-бытовому обслуживанию. Одновременно складывается система надзора за спецпереселенцами: комендантские отделения организуются при райисполкомах, в леспромхозах и других хозяйственных организациях создаются участковые комендатуры, в местах поселения — поселковые комендатуры, возглавляемые комендантом. Спецпереселенцы состояли на персональном учете, на каждые 10 семей назначался старший, все давали обязательства об индивидуальной и групповой поручке за точное выполнение правил режима. Спецпоселенцы были лишены права свободного передвижения вне территории спецпоселка и мест работы, не могли селиться по своему усмотрению, были ограничены в

личных правах. За нарушения правил режима они несли индивидуальную и групповую ответственность, в т.ч. переводились на более тяжелые работы, выселялись в более отдаленные места, попадали в штрафные команды и т.д.

Изначально отношение к спецпереселенцам как к врагам народа обусловило крайне жестокую и безответственную позицию тех, кто решал вопросы обустройства и снабжения раскулаченных. Места для поселения выбирались наспех, без учета природных факторов, нередко территории, выделяемые под поселки, затопливались тальми водами, не имели надежных источников водоснабжения. Раскулаченные, особенно в 1930–1932 гг., нередко оказывались фактически на голом месте среди тайги, где им приходилось с большими трудностями строить необходимое жилье. Не удивительно, что большинство таких поселков были не просто неблагоустроенные, но совершенно непригодные для жизни. Реализация принципа расселения в труднодоступных местах, отсутствие отработанной системы снабжения продовольствием, особенно в условиях распутицы и бездорожья, привели к массовому голоду, болезням и гибели сотен людей, прежде всего детей, стариков, нетрудоспособных, которые не учитывались системой пайкового снабжения.

Только к 1934 г. спецпереселенцы получили возможность иметь огород, вести индивидуальное строительство, в сохранившихся поселках были созданы элементарные культурно-бытовые условия: бани, клубы, школы, медпункты. В целом, оценивая результаты развития спецпоселений для раскулаченных и репатриированных, следует отметить: значительная часть их были временными и достаточно быстро ликвидировались. Особенно это относится к лесозаготовительным поселкам, составлявшим наиболее многочисленную категорию спецпоселений. Только в Нижнетагильском районе по предварительным расчетам их насчитывалось примерно 17, причем большая их часть к сегодняшнему дню исчезла с карты области. В Тавдинском районе насчитывалось 4 поселка лесозаготовителей, созданных в начале 1930-х гг. спецпереселенцами и просуществовавших до 1970-х гг. Создание подобных поселков характерно для Ивдельского и других районов области.

Более стабильно развивались сельскохозяйственные населенные пункты, созданные спецпереселенцами, многие из них стали усадьбами колхозов и совхозов и существуют до сих пор. В том же Тавдинском районе насчитывается 5 таких поселений, из них 4 превратились в крупные, благоустроенные села. Так, например, поселок Чернушка Тавдинского района, возникнув в 1931 г. на берегу реки Карабашки благодаря каторжному труду раскулаченных, уже к концу 1930-х гг. превратился в достаточно большой и обустроенный населенный пункт, а колхоз, соз-

данный раскулаченными, стал самым богатым в районе. В конце 1980-х гг. в поселке проживало более 300 человек.

Среди поселков спецпереселенцев особое место занимают те, которые создавались при крупных промышленных стройках: в Магнитогорске в 1932 г. насчитывалось 3 поселка с общим числом 40 426 чел., в Нижнем Тагиле в 1933 г. — 8 поселков с населением 13 884 чел.⁴⁷, в Каменске-Уральском — пос. Синарстрой (около 1 100 чел.) и др. В июле 1938 г. в Свердловской области насчитывалось 243 спецпоселка, в которых проживало 171 899 чел., из них 43 645 были заняты в промышленности и на стройках. В Нижнем Тагиле насчитывалось 6 776 спецпоселенцев⁴⁸, которые расселились по нескольким поселкам (Тагилстрой, Коксострой, Рудник III Интернационала, Лебяжинский рудник, пос. Вагонстрой и др.), все они были заняты на строительстве Уралвагонзавода, Тагилстрое и т.д. К январю 1940 г. в Свердловской области насчитывалось 146 поселков. Они впоследствии, со снятием ограничений, были включены в городскую черту или стали основой развития достаточно крупных населенных пунктов городского типа с развитым промышленным производством.

Второй этап (вторая половина 1930-х – 1940-е гг.). Развитие поселенческой сети на этом этапе на Урале во многом связано с созданием и развертыванием лагерных систем для репрессированных, военнопленных, репатриированных. Роль лагерных образований в развитии системы расселения пока мало изучена. Разраставшаяся структура ГУЛАГа, представленная в виде сотен лагерных пунктов, ИТК, колоний для несовершеннолетних, приобретала сложную пространственную организацию, способствуя формированию новых населенных пунктов. Только в Свердловской области насчитывалось 7 лагерных систем (Ивдельлаг, Севураллаг, Тагиллаг, Тавдинлаг, Лобвинлаг, Богословлаг, Востураллаг), которые в свою очередь делились на лагерные отделения, включавшие десятки лагерных пунктов, командировок, подкомандировок, тюрем и т.д. Многие из созданных лагерных пунктов заложили основы населенных пунктов или послужили толчком к интенсивному развитию созданных ранее поселений. В отличие от поселенческой сети, сложившейся в результате кулацкой ссылки, лагерная система расселения имела четкую промышленную ориентацию. Сравнение карты лагерной системы 1930–1950-х гг., составленной В.М. Кирилловым, с современной картой Свердловской области позволяет сделать вывод, что существующий каркас расселения, представленный в виде системы городов, рабочих поселков и крупных населенных пунктов, во многом совпадает со схемой развертывания лагерных систем. Заключение использовались на строительстве заводов, железной дороги, для работы в шахтах, создавая экономический базис перспективного развития поселенческой сети — это относится к таким городам и населенным пунктам, как Нижний Тагил, Березовск,

Невьянск, Тавда, Сосьва, Верх-Нейвинск и др. Особенно значимую роль сыграли лагерные системы в освоении и развитии Ивдельского, Тавдинского, Сосьвенского, Краснотурьинского районов.

Так, например, в Тавдинском районе пос. Северная Чернушка возник как лагерный пункт Азанковского отделения Востокураллага в 1940-е гг. (население его состояло из семей обслуживающего персонала). Такие поселки, как Азанка, Карьер (или Песчаный), возникшие в начале века, с 1937 г. развивались как отделение Востокураллага. С тех пор заключенные отбывали и отбывают наказание на лесозаготовках и производственных участках леспромпхозов, в 1944–1945 гг. здесь содержались немецкие военнопленные. Численность населения Азанки в 1990-е гг. достигла 2,5 тыс. человек, Песчаного — около 300.

Лагерное «прошлое» нашло отражение во внешнем виде и уровне благоустройства многих поселений. Причем наличие системы лагерей в Свердловской области и в послевоенный период выступало как фактор, влиявший на создание временных населенных пунктов. В том же Тавдинском районе с 1938 по 1970-е гг. создавались десятки временных поселений (Берестянка, Мочальное, Сабурово, Щучье Озеро и др.), которые представляли собой охраняемую жилую и производственную зону для заключенных и собственно сам жилой поселок для семей охраны и обслуживающего персонала. Длительность существования таких поселков зависела от истощения лесных ресурсов. В поселках были клуб, магазин, медпункт, баня и другие объекты соцкультбыта. Между тем большая часть этих поселков в официальных справочниках не фигурировала и может быть отнесена к понятию «скрытая система расселения».

Таким образом, развитие системы расселения на Урале, особенно в северных его районах, в 1930–1950-е гг. имело четко выраженную специфику, которая была связана с созданием здесь режимных зон и формированием сети спецпоселений как составной части поселенческой структуры. Репрессивная политика способствовала росту численности населенных пунктов и их развитию, но придавала и особый оттенок селам и городам: тяжелые жилищные условия, неразвитость социально-культурной сферы, невыразительность архитектурных форм массовой застройки, высокий удельный вес барачного строительства, низкий уровень благоустройства, который характерен даже для крупных городов, ограничения в правах выбора места жительства — все это наложило отпечаток на систему сельского и городского расселения Среднего и Северного Урала.

- ¹ Тема поддержана грантом РГНФ № 00-01-00296а
- ² См.: *Чагин Г.Н.* Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII – первой половине XIX в. Пермь, 1995. С. 33.
- ³ См.: Там же. С. 37.
- ⁴ См.: Там же. С. 39.
- ⁵ См.: Там же. С. 45.
- ⁶ См.: Там же. С. 65.
- ⁷ См.: Там же. С. 101.
- ⁸ См.: Там же. С. 102.
- ⁹ См.: *Голубев П.А.* Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. Пермь, 1904. С. 73.
- ¹⁰ См.: Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии», изданных в 1908–1909 гг., и другие краткие статистические сведения о Пермской губернии. Пермь, 1910. С. 14–15.
- ¹¹ См. подробнее: *Зайончковская Ж.А.* Демографическая ситуация и расселение. М., 1991. С. 11–15.
- ¹² См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. Сводный том. М., 1962. С. 19, 22–23.
- ¹³ См.: Там же.
- ¹⁴ См.: Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 36.
- ¹⁵ См.: Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1961. С. 29–30.
- ¹⁶ См.: Список населенных пунктов Екатеринбургской губернии с важнейшими статистическими данными и алфавитным указателем. Екатеринбург, 1923.
- ¹⁷ Выделение новых типов, указанных в приведенном перечне, опирается главным образом на названия населенных пунктов, в которых упоминается соответствующее слово или словосочетание: переселенческий участок, ж.д.-я будка, больница и др.
- ¹⁸ См.: *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 160.
- ¹⁹ См.: КПСС в резолюциях и решениях пленумов и съездов. Т. 5. С. 402.
- ²⁰ См.: *Данилов В.П.* Указ. соч. С. 126, 132.
- ²¹ См.: Там же. С. 160.
- ²² См.: Там же. С. 99.
- ²³ См.: *Зеленин И.Е.* Совхозы в первое десятилетие советской власти, 1917–1927. М., 1972. С. 81.
- ²⁴ Цит. по: Там же. С. 183.
- ²⁵ См.: *Зеленин И.Е.* Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток, 1928–1941. М., 1982. С. 22.
- ²⁶ См.: ГАСО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 425. Л. 1.
- ²⁷ См.: *Зеленин И.Е.* Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. С. 47.
- ²⁸ См.: Там же. С. 72.
- ²⁹ См.: Там же. С. 48.
- ³⁰ См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 21. Д. 63. Л. 119.
- ³¹ Летопись уральских деревень. Ревдинский район. Ревда, 1997. С. 166.
- ³² Цит. по.: Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 207.
- ³³ См.: Население Урала, XX в. Екатеринбург, 1996. С. 18.
- ³⁴ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 308. Л. 8.
- ³⁵ См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5238. Л. 26, 38.
- ³⁶ См.: Там же. Оп. 21. Д. 92. Л. 20.

-
- ³⁷ См.: Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.). Екатеринбург, 1993. С. 44.
- ³⁸ См.: Там же. С. 81.
- ³⁹ См.: Книга памяти. Екатеринбург, 1994. С.42.
- ⁴⁰ См.: *Кириллов В.М.* История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала, 1920-е – начало 1950-х гг.: В 2 ч. Ч. 2. Н.Тагил, 1997. С. 7.
- ⁴¹ См.: Там же. С. 30.
- ⁴² См.: Там же. С. 68.
- ⁴³ См.: Там же. С. 65.
- ⁴⁴ См.: Медико-санитарное обслуживание спецпереселенцев в Уральской области: (Из справки Наркомздрава) // Раскулаченные спецпереселенцы на Урале. С. 99.
- ⁴⁵ См.: *Кириллов В.М.* Указ. соч. Ч. 2. С. 65, 151.
- ⁴⁶ См.: Там же. С. 34–35.
- ⁴⁷ См.: Там же. Ч. 1. С. 128.
- ⁴⁸ См.: Там же. С. 131.